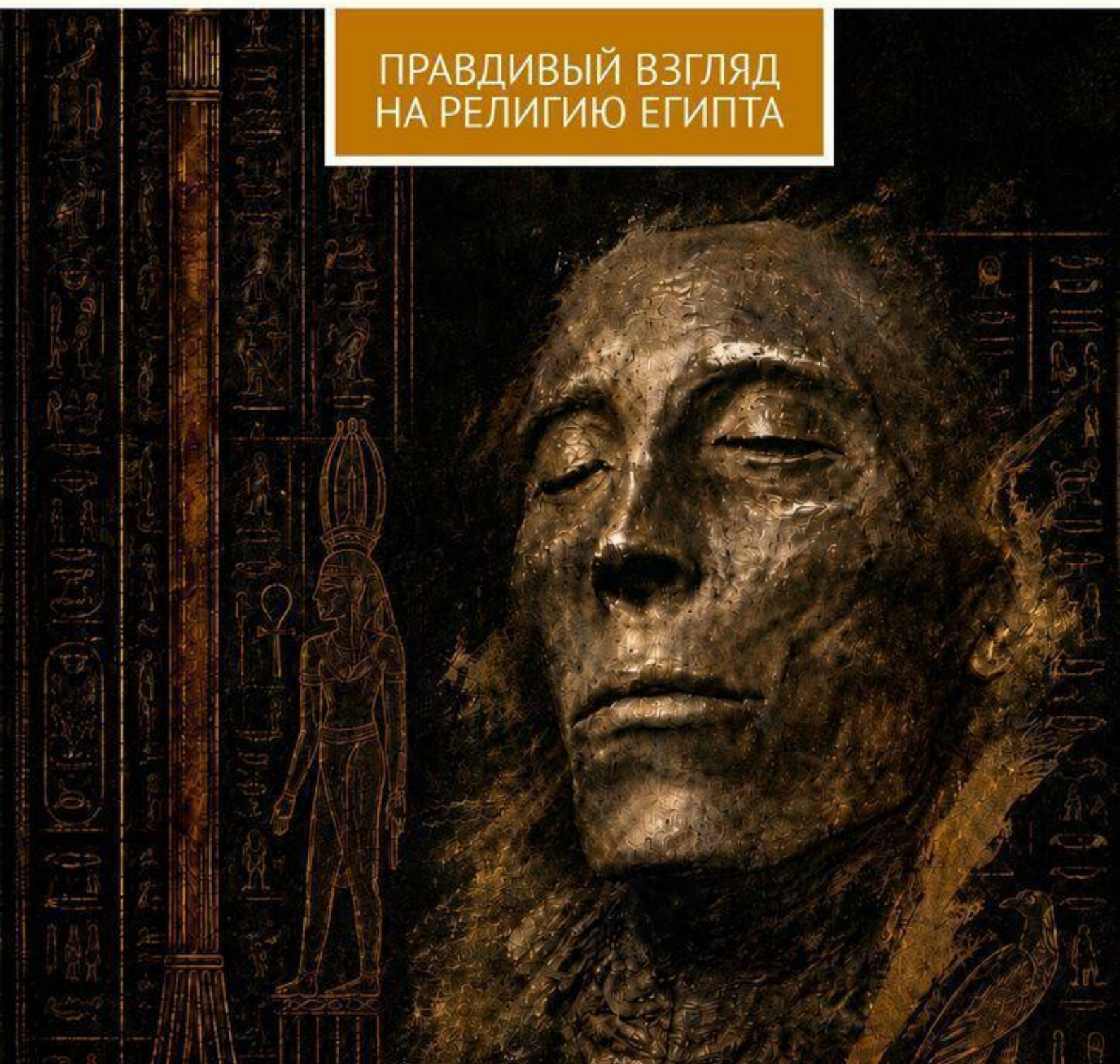

12+

МАКСИМ ТКАЧЕНКО

Проникая в Маат

ПРАВДИВЫЙ ВЗГЛЯД
НА РЕЛИГИЮ ЕГИПТА

Максим Ткаченко

**Проникая в Маат. Правдивый
взгляд на религию Египта**

«Издательские решения»

Ткаченко М. М.

Проникая в Маат. Правдивый взгляд на религию Египта /
М. М. Ткаченко — «Издательские решения»,

Многие привыкли видеть древний Египет страной пирамид, мумий и загадочных богов. Но всё это лишь тень великой древней цивилизации. Данная книга разрушает популярные мифы и открывает Египет таким, каким его видели сами египтяне: мир, где порядок Вселенной был священным, имя даровало бессмертие, а за множеством богов скрывалось стремление постичь единство бытия. Перед вами разговор с необычным собеседником и увлекательное путешествие, после которого древний Египет уже никогда не будет прежним.

Содержание

Предисловие автора	6
Вхождение в Кемет	10
Глава 1 Кто ты?	10
Глава 2 Вселенная двух земель	14
Глава 3 Тот, без кого распадётся мир	18
Глава 4 Божественная гармония	24
Глава 5 То, чего боится даже свет	28
Глава 6 Ночь Ра	31
Живой космос Египта	35
Глава 7 Когда боги жили на земле	35
Глава 8 Мир до творения	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Проникая в Маат Правдивый взгляд на религию Египта

Максим Михайлович Ткаченко

«Египет — единственная известная нам цивилизация, в которой религия была не частью культуры, а самой формой существования культуры».

Эрик Хорнинг

Оформление обложки Нейросеть ChatGPT

Иллюстрации Нейросеть ChatGPT

© Максим Михайлович Ткаченко, 2026

ISBN 978-5-0070-5651-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Незадолго до того, как начать писать эти строки, я поймал себя на мысли, что могу сказать о себе как о невероятно увлекающемся человеке. С самого раннего детства со мной случались удивительные погружения во всё, чему хоть немного удавалось зацепить мой ум.

Это могло быть что угодно: кино, мультфильмы или красочные книги с картинками. Конечно, больше всего я восторгался тем, что видел на экране. Яркие кадры, сменяющие друг друга в карнавале красок и звуков, производили на меня неизгладимое впечатление.

Нет, я не говорю здесь о том, что в современном языке принято называть «клиповым сознанием», да и сама мультипликация не была для ребёнка XXI века чем-то диковинным. Я не испытывал неопишуемого восторга всякий раз, когда включался телевизор или между однообразными рядами букв попадалась картинка. Благодаря воспитанию родителей мой вкус с ранних лет оказался довольно избирательным, и я рос на хороших фильмах и книгах. Но уж если что-то меня тогда впечатляло, то впечатление это я проносил через многие и многие годы своей жизни.

Помню, как лет в шесть одним зимним днём я ходил с мамой в небольшой супермаркет, располагавшийся в соседнем квартале. Он назывался «Геркулес». До сих пор хорошо помню ту крупную оранжевую надпись. Шёл я, надо сказать, отнюдь не за продуктами. Интересовал меня небольшой салон видеопроката, который работал в том же здании напротив. В те годы всё это дело только начинало развиваться, но уже пользовалось большой популярностью.

Я приходил в салон и выбирал себе кассету с мультфильмом, чья обложка мне казалась наиболее привлекательной. Иногда мама читала мне описание на другой стороне коробки. Мы ходили в видеосалон много раз, и тот день вряд ли бы мне запомнился, если бы среди множества ярких коробок с видеокассетами я не обратил внимания на мультфильм «Принц Египта», снятый знаменитой компанией «DreamWorks». Думаю, каждый из нас помнит того мальчика с удочкой, сидящего на полумесяце и встречающего всякого, кто желает посмотреть мультфильмы этой студии.

Коробка мне понравилась, и мы взяли кассету домой. Фильм, который мне предстояло увидеть, рассказывал в несколько вольной интерпретации историю пророка Моисея — главного персонажа библейской книги «Исход».

Родившийся в годы еврейского рабства в Египте и спасённый своей матерью, Моисей чудом выжил в день избиения младенцев по приказу фараона. Скрытый в коробе и опущенный в реку, младенец был найден дочерью царя и воспитывался при дворе владыки Египта до тех пор, пока не произошла его чудесная встреча с Богом Израиля. Во всяком случае, так повествует Библия.

Разумеется, в шестилетнем возрасте я ничего этого не знал и просто взял красивую коробку. Мы пришли домой, и я принялся смотреть мультфильм. Тот день навсегда остался в моей памяти.

Стоит сказать, что продукция «DreamWorks» всегда качественная и красочная. «Принц Египта» сразил меня наповал с первой минуты. Вступительные кадры, сопровождаемые величественной, но тревожной музыкой, показывали изнурительный рабский труд еврейского народа в египетской земле. Люди тянули канаты, поднимали камни, носили воду и падали под тяжестью мешков с песком, а на заднем плане возвышались детально проработанные культовые сооружения цивилизации великого Нила.

Но всё это действо померкло и потерялось в детских глазах в тот момент, когда кадры показали гигантскую, превосходящую все нормы пропорций статую фараона Сети I, чей тяжёлый взор устремлялся на запад, словно провожая божественное Солнце, уходящее во тьму.

Это сейчас я понимаю, что для египтян творение не было победой над хаосом; хаос никогда не исчезал. Он лежал за границей мира и каждую ночь пытался поглотить солнце¹, но тогда ребенок, пристально вглядывавшийся в скорбные и величественные черты лица, так сильно отличающиеся от привычной египетской скульптуры, испытывал экзистенциальный восторг.

Вряд ли мультипликаторы вообще осознавали, какие материи они затрагивают. Мультфильм-то вообще был о другом. Но в тот день я понял, что хочу как можно больше узнать о древней и загадочной культуре Египта, навсегда обретшей для меня лицо.

С тех пор его черты так и не изменились. Оглядываясь назад, я понимаю, что окончание университета по специальности «история религии» было для меня едва ли не чем-то предпринятым.

Родители купили мне все возможные книги на египетскую тематику со множеством картинок, я пересмотрел все имевшиеся тогда документальные фильмы, которые обычно интересуют только взрослых, а в годы учебы мне посчастливилось прослушать курсы потрясающих лекций от своих профессоров. Но всё это время у меня перед глазами неизменно возникал тот статный и грузный лик древнего царя. Я так и не смог найти чего-то более впечатляющего в реальной египтологии. Видимо, это фактор детства. Разве что статуя великого царя-воителя Тутмоса III, застывшая в веках в загадочной улыбке, тоже смогла затронуть какие-то неведомые мне струны души. На мой взгляд, эта тайна мимики несёт в себе гораздо больше загадок, чем знаменитая Джоконда, написанная рукой гениального Леонардо да Винчи. Впрочем, это лишь лирика.

Со временем я понял: всё то, что обычно принято ассоциировать с культурой и религией Египта (которые, кстати говоря, абсолютно неотделимы друг от друга), совершенно не соответствует действительности. Наследие этого народа многократно превышает все расхожие представления о нём.

Ещё один поворотный, если не сказать судьбоносный момент произошёл со мной тогда, когда я впервые посетил землю вечного Солнца. Мечта детства исполнилась лишь спустя двадцать лет, и в тот день, когда передо мной открылась эта возможность, я чётко понимал, что оставлю курорты Хургады и Шарм-эш-Шейха кому-то другому. Сам же я отправился в Каир.

Должен заметить, двадцатилетнее ожидание окупил себя с лихвой. В тот год экспозицию старинного Каирского Музея, не успевавшего вместить всех желающих, было решено перевезти в новый просторный Музей Египетской цивилизации. Древняя страна обрела не просто современные здания. Перед взором посетителей открылся целый комплекс, предлагающий всякому погрузиться в мир священной тайны. Но это было ещё не всё.

По распоряжению властей на нижнем уровне музея была организована колоссальная царская усыпальница, в которую торжественно перенесли тела великих царей древнего Египта. До той поры мумии фараонов были практически недоступны посетителям Каирского Музея. Теперь же они лежали в безмятежном покое в стеклянных саркофагах, окутанные тусклым неотмирным светом, давая возможность каждому дерзнувшему подойти к ним вплотную и склониться над их лицами. И я дерзнул...

Я с восхищением и трепетом смотрел на этих людей, живших задолго до меня, про которых я столько успел прочитать. Смотрел и медленно переходил от одного саркофага к другому, как, наконец, замер, будучи не в силах совладать с эмоциями. Лишь тридцать сантиметров длиной в три с половиной тысячи лет отделяли меня от того, кого я когда-то с восторгом увидел на той самой видеокассете. Передо мной лежал фараон Сети I.

Теперь уж не знаю, была ли то своеобразная экзальтация и всплывшая детская впечатлительность, но мне казалось, что он очень похож на тот самый кадр! Что я его узнал!

¹ Подробнее см. в Frankfort H. *Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. — Chicago: University of Chicago Press, 1948. — P. 40—47.

Действительно, тело Сети сохранилось практически идеально. Это едва ли не самая качественная мумия из всех существующих. Египетские бальзамировщики были мастерами своего дела. Оставшиеся волосы окрашены хной, ногти покрашены. Для него сделано всё, чтобы он вечно выглядел молодым.

Я смотрел и смотрел. Сделав круг по усыпальнице, я приблизился к нему снова. Как бы мне хотелось разбудить его. Сказать ему: «Встань! Расскажи мне всё!». Не могу даже представить, сколько всего он смог бы поведать мне... поведать миру.

Теперь к моим детским воспоминаниям добавилось ещё одно, с которым я живу уже несколько лет. Да, прервать сон вечности нам никогда не удастся. Да и стоит ли? Египетская цивилизация оставила нам многочисленные памятники, изучая которые, мы, пожалуй, сможем предположить, что именно сказал бы нам древний фараон.

Наверное, та детская вспышка восторга в конце концов должна получить какое-то закономерное завершение.

С этими мыслями я решил написать книгу, которую теперь вы держите в руках.

Дорогие читатели! Я приглашаю каждого из вас представить, что нам всё же удалось воззвать к тому, кто уже три тысячелетия покоится в вечном блаженном сне. Вот, он открыл глаза, которые не видели земного света так долго. И вот, он заговорил.

Какими будут его слова? Благодаря десятилетиям кропотливых трудов археологов и изысканиям историков религии мы, я надеюсь, сможем теперь узнать, о чём расскажет нам владыка священного *Кемёт* — мира, который каждое утро вновь и вновь спасается от небытия.

Сети I
Рисунок автора на основе мультипликации

Вхождение в Кемет

Глава 1 Кто ты?

Смею надеяться, добавление некоей сказочности в столь серьёзный научный разговор будет простительным допущением. В конце концов, почему исследование обязательно должно быть написано академическим языком? Не будет ли лучше и интереснее проникать в тайны древней цивилизации, ощущая приятное чувство повести с нотками фантасмагорий? Пожалуй, да!

Итак, он открыл глаза. Что прервало его величественный тысячелетний сон? Наверное, это не так уж и важно. Главное то, что Сети I видит и слышит нас. Он прекрасно осознаёт окружающую его реальность и готов ответить на все наши вопросы, которых за три с половиной тысячи лет у нас накопилось немало.

Да, современная наука располагает колоссальным корпусом источников. Причём настолько большим, что древний Египет мы уверенно можем назвать самой задокументированной цивилизацией. В распоряжении учёных не просто какие-то «красивые артефакты» (хотя и таковых в изобилии), но тонны текстов храмов, обелисков и царских гробниц; гигантские площади археологических комплексов, иконография и даже астрономические данные.

Всё это наследие будоражит любознательные умы с тех пор, как история и культура Египта стали предметом научных изысканий. Можно только представить, насколько грандиозным было бы повествование того, кто не просто жил в этой парадигме, но представлял собой основу, центр и космический узел всего порядка.

Увы, все эти мечты так и останутся несбыточной сказкой. Впрочем, почему бы этой книге не стать первым «метафизическим интервью» в истории египтологии? Звучит и правда заманчиво. В таком случае стоит не терять драгоценное время и обратиться к фараону Сети I с самым главным вопросом.

Полагаю, все согласятся с тем, что опытные интервьюеры в первую очередь просят своего собеседника представиться и кратко, но ёмко описать себя. То же самое сделаем и мы. Но что же мы услышим в ответ?

Однозначно указать можно именно на то, чего точно не прозвучит. Фараон не скажет: «Я Сети, царь Египта». Это было бы даже не слишком коротко. Речь идёт о том, что подобные автобиографические высказывания в современном смысле этого слова просто не были понятны фараону. Наш собеседник немедленно описал бы себя через собственное осознание своего места в сложном порядке мироздания. Практически с полной уверенностью можно утверждать, что мы услышали бы следующее:

«Я — Пэр-Ао, Владыка Та-уи и Дома Ка Птаха; Менмаатра; Хор, воссиявший в Маат, возлюбленный Амоном; Сети — Мерептах; утверждающий Маат в Кемет; ограждающий Деирет; умиротворивший девять Луков; воскуряющий богам и воздвигающий дома богам от имени отцов моих; живущий вечно».

Уверен, после такой самопрезентации у всех слушающих обнаружилось бы вопросов куда больше, чем ответов, но сказанное было не просто официальной риторикой человека, решившего держать планку перед неизвестным ему обществом. Слова царя и были для него его подлинным бытием. Каждый неизвестный нам пока термин служил своего рода начертанием ипостаси фараона. Более того, для египтянина имя — это не просто идентификация. Это нечто

принципиально метафизическое, сущностное и одновременно сверхсущностное, поддерживающее саму экзистенцию. Пока живо имя, жив фараон.

На самом деле с точки зрения египетского взгляда на природу вещей, так можно сказать о чём угодно, но именно царь служил своеобразной точкой пересечения и соприкосновения всего. Он был не просто государственным или даже национальным лидером. Сети был тем, кем назвал себя в самом начале. Он был Пэр-Ао.

Вероятно, вопрос: «Ты — фараон?» наш собеседник всё же смог бы понять, услышав знакомые звуки. А между тем, слово это — греческое, возникшее в качестве эвфемизма на основе созвучного египетского оригинала для общего обозначения сложной «царственно-ономастической» структуры без необходимости перечисления её составляющих².

Не стоит ожидать от Сети ответа вроде «конечно же». Подобное просто не пришло бы ему в голову. То, что кажется очевидным или простым для современного человека, не обременённого многоуровневым структурным самосознанием, было отнюдь не очевидным для царя. Сети был именно Пэр-Ао, и односложно согласиться с этим ему не позволял не протокол, а факт бытия.

Приведённый египетский термин на современный язык проще всего перевести как «великий дом»³, однако не стоит рассматривать его в ключе крупных строений. Справедливости ради стоит отметить, что изначально под словом «пэр-ао» египтяне действительно понимали дворец фараона, но, во-первых, таковой никогда не был для них простым административным строением, а по концептуальному предназначению был скорее ближе к храму, чем к дому правительства. Во-вторых, к моменту XIX династии Нового царства (а именно к ней относится наш державный собеседник) термин «великий дом» окончательно приобрёл метафизический окрас, став обозначением сакральной власти владыки Египта.

Дом — это место, куда есть стремление прийти, где хочется укрыться. Дом — это крепость и очаг, спасение и покой. Он не исчерпывается одним лишь предназначением, но содержит в себе множественные жизненно важные функции для каждого из нас. Нет ничего удивительного в том, что своего царя египтяне мыслили как прибежище и спасение.

Фараон по своей сути принципиально отличался и отличается до сих пор от правителя любой формы, известной человечеству. Пэр-Ао — это космологическая метафигура.

Сети не сказал бы, что он бог в том смысле, в каком возвеличивали себя римские императоры. Но и просто человеком себя назвать он тоже не мог. Свою сложную самоидентификацию фараон изложил в ответе на наш вопрос. Каждое слово, каждый термин там имеет колоссальное значение и неотделим от другого.

Сети не был главой государства и был им одновременно. Будучи источником священной власти, он вместе с тем являлся и верховным жрецом. Его жизнь значительно отличалась от привычного образа средневекового монарха. Некоторые европейские или византийские государи могли дни напролёт проводить в роскоши и неге, лишь изредка обращаясь к государственным делам, а в дни больших праздников посещая кафедральный собор своей столицы, где богослужение возглавлял предстоятель церкви. Допустим, патриарх.

Фараон же нёс бремя именно священной власти, ежедневно не только управляя страной, но и совершая многочисленные сакральные ритуалы, направленные на поддержание вселенского порядка в бытии. В Египте государство было не политическим институтом, а космической функцией⁴, а культ в Египте не служил богам — он удерживал мир от распада⁵.

² Подробнее см. в И. А. Ладынин, М. Д. Бухарин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский. История Древнего Востока. — Москва: Дрофа, 2009. — С. 76.

³ Подробнее см. в Кристиана Циглер [англ.]. Долина Нила / ред. А. Х. Дани, Ж-П. Моэн, А. Н. Сахаров, Э. А. Манушин. — История человечества. — М.: ЮНЕСКО, Магистр-пресс, 2003. — Т. 2: III тысячелетие до н.э. — VII век до н.э. — С. 122 — 123.

⁴ См. напр. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / пер. с нем. — М.: Присцельс, 1999. — С.

На этом месте я хотел бы обратить внимание читателя на одну принципиально важную вещь, без которой вести дальнейший разговор будет бесполезно. Как следует из названия книги, нам хотелось бы спрашивать нашего царственного собеседника именно о религии Египта. Это помогло бы нам составить о ней наиболее точное и безошибочное представление. Однако тончайший момент заключается в том, что просьбу «расскажи нам о своей религии» фараон оказался бы не в состоянии даже грамотно осмыслить.

Ему не было знакомо слово «религия» в привычном для нас значении. Для Сети не существовало разделения на веру, культ, государственность, политику и общество. Всё перечисленное было для него проявлением единого верховного порядка, в котором сам он был центральным нервом. Его путь начался задолго до воцарения и не закончится уже никогда. Возможно, если бы Сети I действительно смог ожить, он бы нисколько этому не удивился. Ведь он никогда и не умирал.

Пожалуй, ни одна древняя цивилизация не соединяла так сильно мир физики и метафизики, как это делали египтяне. Для них всё это было единой реальностью. Конечно, с точки зрения современного религиоведения, мы можем теперь называть их систему мировосприятия — религией, и, изучая её, мы станем всё глубже погружаться в удивительнейший мир египетского сознания, которое и будет проявляться в ответах нашего царя.

56—63.

⁵ Подробнее см. в Hornung E. *Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many*. — Ithaca: Cornell University Press, 1982. — P. 213—221.

Копия изображения Сети I из его гробницы
Работа Генри Вильяма Бичи

Глава 2 Вселенная двух земель

Осмысляя сложную и многоуровневую титулатуру царя, которую нам озвучил Сети I, мы не можем не задать ему ещё один вопрос: «Что значит *Владыка Та-уи и Дома Ка Птаха?*». Современному человеку в этой конструкции помимо слова «дом» будет более-менее знаком разве что термин «владыка». Всё остальное прозвучит словно на другом наречии. В общем-то, это так и есть.

Фараон неслучайно представился, начиная с упоминания этого загадочного *Та-уи*. Объём своих священных наименований Сети сократить не мог. Но при необходимости это было возможно. Подобная практика применялась не лично царём, а его придворными в случае, если им требовалось представить или упомянуть своего правителя перед иноземцами.

Как бы ни звучали формулы священной ономастики, термин «Та-уи» упоминался в них всегда. В переводе на русский язык он звучал бы как «две земли». Не удивлюсь, если многие читатели вспомнят о том, что нечто похожее они слышали даже в школе. Однако то, что обычно рассказывают детям, и то, что понималось под двумя землями в реальности, различается колоссально.

Произнося «Та-уи», Сети имел в виду не географическое обозначение в современном смысле и даже не административные границы юга и севера, но одну из фундаментальных структур мира; два аспекта единой священной реальности, неразрывно связанной со всей его страной, которую фараон назвал «Кемет» и указал в своей сакральной титулатуре.

Мне хотелось бы прояснить здесь одну очень важную деталь. Та-уи для египтян была олицетворением некоей двойственности мира, или различий внутри целого. Да, для всех этих людей их единым священным миром, вне которого они не мыслили себя, был Кемет. Сети пояснил бы нам, что его народ не разделяет Вселенную и свою страну, связывая всё в единую космогоническую концепцию. Кемет — это не про геополитику. Кемет — это про метафизику.

Подобный подход не означает, впрочем, что египтяне не знали о существовании других стран, народов, языков и культур. Они торговали, воевали, заключали договоры, знали Анатолию, Левант, Нубию, Пунт, Хеттское царство. Мир «снаружи» для них был реален. Но вот его онтологический статус был совсем иным. «За пределами Египта начиналась не другая цивилизация, а область неустроенного»⁶.

Для того, чтобы лучше понять столь сложную теософскую структуру, фараон Сети I предлагает нам провести экскурс в раннюю историю его страны, уверяя, что без этого мы будем не в силах понять его слова. Что же... прислушаемся и обратимся умом к тем дням, когда в дельте великого Нила возникла загадочная цивилизация.

Жизнь Египта до объединения — это не просто обычная предыстория государства. Конечно, с точки зрения строгих академических дисциплин рассматривать те далёкие события можно именно так. Но ведь нас интересует не география и не политика. Мы стремимся понять мышление этих людей.

Сети объясняет, что история его земли до объединения — это постепенное рождение самой идеи космоса как упорядоченного единства.

Перед нами ключ к пониманию любой религии и опора для современных учёных. Те тончайшие материи, которые сознание XXI века относит к области веры, делая её свободной и факультативной надстройкой в сознании наряду с атеизмом, для людей того времени являлись

⁶ См. в Hornung E. *The Ancient Egyptian Books of the Afterlife*. — Ithaca: Cornell University Press, 1999. — P. 15—22.

объективной реальностью миробытия. Наши утверждения о том, что можно верить в Бога, а можно обойтись без религиозного взгляда на природу вещей, Сети не просто не принял бы, но даже не смог бы хоть сколько-нибудь это осознать.

Говоря современным языком, для фараона всё в его мире было религией⁷. Лично я глубоко убеждён в том, что с того времени по большому счёту ничего не изменилось. Но вернёмся к истории объединения.

В VII—V тысячелетиях до н. э. поселения вдоль Нила ещё не представляли собой какого-то цельного объединения, зато география наилучшим образом располагала к формированию представлений о священном порядке, дающем жизнь. Если мы взглянем на территорию Египта, отображённую на спутниковых снимках, то перед нами откроется идеальный религиозный трактат.

Через сухую, раскалённую и мёртвую пустыню животворной артерией проходит Нил, образуя зелёную цветущую дельту, выстраивая жизнь людей в ритме ежегодного разлива и формируя зависимость бытия от реки, которая закономерно перестаёт быть просто водотоком. В голове древнего человека выстраивается жёсткая метафизическая логика: пустыня — это смерть и распад, а жизнь — это дар воды, следовательно, сама вода есть божественное явление.

Слушая рассказ фараона, мы начинаем осознавать: Сети просто не в силах увидеть в своей земле то, что видим мы. Для него Кемет — это не пустыня, через которую проходит река. Это модель Вселенной; чудо порядка, возникающее посреди царства смерти. Ежегодно разливающийся Нил даже не олицетворял, но воплощал снова и снова акт творения⁸. А там, где начиналась пустыня, концептуально заканчивалось само бытие⁹.

У «просвещённого сознания», увлекающегося поверхностным религиоведением, довольно часто существует риск скатывания к примитивному сравнению египетской религии с ранними культами в их первобытных формах. Дескать, обожествляли реку.

Да, Нил действительно обладал для египтян сакральным статусом, однако никакого воплощения божества на земле они в своей реке не видели. Более того, подобные концепции не характерны даже для проторелигии. Приверженцы столь странных теорий на самом деле парадоксальным образом, сами того не ведая, апеллируют не к ранним языческим культам, а к собственному современному сознанию, воспитанному во многом на так или иначе господствующих в обществе монотеистических установках.

Проще говоря, человек новейшего времени, рассуждая об обожествлении, представляет себе единую персону Творца, которую зачем-то переносят на вполне профанный предмет или явление, превращая их в ту самую сакральную личность. В духе: «Ну какой, в самом деле, бог? Это же просто река». Могу заверить, египтяне понимали это не хуже нас с вами. Спроси мы об этом Сети, он непременно сказал бы нам о том, что весь Кемет обладает статусом, неотделимым от метафизического. Земное и небесное в нём едины. В этой связи нельзя не вспомнить меткое замечание нидерландского египтолога Генри Франкфорта, красной нитью проходящее через многие его труды: *«Современный человек сначала отделяет материальное от духовного, а затем удивляется, почему древний человек этого не делал»*¹⁰.

К IV тысячелетию до н. э. Египет обрёл уже вполне конкретные государственные черты, хотя ещё и был разделён на два крупных культурно-политических мира.

⁷ Если использовать терминологию религиоведения. Сам фараон сказал бы, что для него не существует области бытия, отделённой от сакрального порядка.

⁸ См. напр. Ассман Я. Указ. соч. — С. 72—78.

⁹ Подробнее см. в Frankfort H. *Ancient Egyptian Religion*. — New York: Harper & Row, 1961. — P. 20—27.

¹⁰ См. напр. Frankfort H., Frankfort H. A., Wilson J. A., Jacobsen T. *Before Philosophy: The Intellectual Adventure of Ancient Man*. — Harmondsworth: Penguin Books, 1949. — P. 11—24.

Важнейшим центром земель, которые принято обозначать словосочетанием «Верхний Египет»¹¹, являлись города *Нагада* (Нубт)¹² и *Абидос* (Абджу). Именно здесь формировалась элита, возникала сакральная символика власти и сооружались сложные ритуальным образом сконструированные погребения. Фактически, Верхний Египет стал катализатором идеи о священном характере царства.

Несколько иначе дела обстояли в Нижнем Египте. Политически этот регион был ориентирован на внутреннюю экономику и контакты с Азией, однако именно там сформировалось «второе лёгкое» единой земли под властью одного царя.

В своём рассказе Сети I обязательно упомянул бы города *Иу́ну* (знаменитый Гелиополь), возвысивший и развивший культ бога Ра, и *Меннефёр* (не менее знаменитый Мемфис), ставший местом рождения ещё более важного культа бога Птаха.

Имена этих божеств мы уже могли слышать в титулатуре нашего фараона. Очевидно, они очень важны. Однако погружаться в эту тему нам ещё рано. Отметим только, что, изучая период описываемых событий, пока ещё вполне простительно будет воспринимать богов как множественных покровителей местных городов и поселений со своими культами.

Говоря об объединении Египта, важно понимать, что речь идёт не о какой-то примитивной военной оккупации и даже не о культурной ассимиляции. На вопрос: «Что для тебя единство земель?» Сети не ответит имперской риторикой. Фараон видит в этом акте космологическую мистерию слияния царственного земного и сверхцарственного божественного в единой животворящей воде Нила посреди хаоса мёртвого песка; победу целостности над распадом, восстановление полноты бытия. Для Сети Египет — не мощное государство. Для него это — Та-уи, священный механизм поддержания бытия, а сам он — эманация гарантии существования мира.

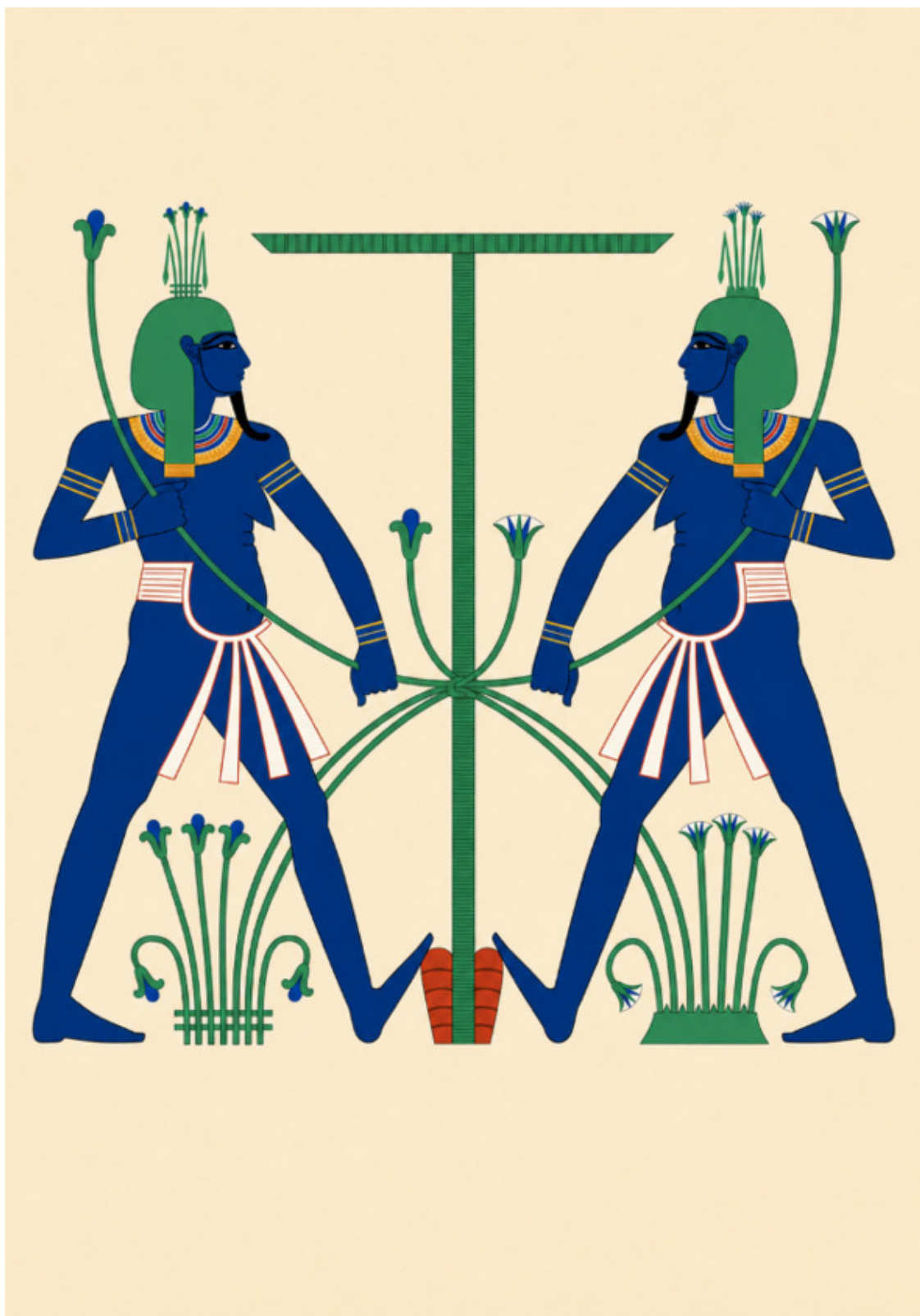
Излагая концепцию Та-уи, фараон обязательно упомянул бы и её главный символ — священное изображение *Сема-Та-уи*, одну из важнейших метафизических эмблем Египта.

Единое божество *Ха́ти* (персонификация Нила), дважды изображённое в антропоморфном виде, связывает растения Верхнего и Нижнего Египта, сплетая их вокруг центрального столба и удерживая концы в районе трахеи и лёгких.

Религиозное значение считается моментально. Два полюса священного бытия соединены отныне воедино. Омываемые источником жизни, они дают возможность самого существования. Бог вдохнул в землю Кемет дыхание жизни, и теперь священная Кемет исполнена божественного.

¹¹ Египтянин не сказал бы: «Верхний и Нижний Египет». Он сказал бы: «Шемау» (верхняя земля) и «Меху» (северная земля).

¹² По этому месту археологи назвали целую цивилизационную стадию: Нагада-1, Нагада-2 и Нагада-3.

Изображение «Сема-Та-уи»
Современная копия египетской иконографии

Глава 3 Тот, без кого распадётся мир

Недопустимо и даже в какой-то мере преступно будет думать, что формат возникновения египетского государства породил в людях долины Нила желание «придумать» для себя религиозные концепции для того, чтобы было проще жить.

Не является мировоззрение древних египтян и плодом деятельности жреческих элит, стремящихся разработать способ для удержания в своих руках власти над развивающейся страной.

Религию вообще никто и никогда не придумывает в бытовом смысле этого слова. Более того, Египет принципиально выделяется даже из тех соседних моделей, которые представляются нам более-менее привычными.

У людей, живших посреди гигантской пустыни по обе стороны подающей жизнь реки, сама религиозно-космическая модель мира породила форму государства, нуждающегося в ежедневном священном управлении.

Услышав наш вопрос: «Если фигура фараона сакральна, то зачем всю власть концентрировать в руках лишь одного человека?», Сети, скорее всего, растерялся бы и, подумав немного, задал бы встречный вопрос: «Но кто тогда будет ограждать Дом Ка Птаха от Дешрет?». Мы уже несколько раз слышали эти слова и попросим фараона разъяснить их значение.

Первый термин напрямую связан с осознанием у египтян священности собственной страны и дополняет обозначения «Кемет» и «Та-уи». Кстати говоря, именно термин *Дом Ка Птаха* повлиял на возникновение известного нам слова «Египет»¹³.

Сети старается объяснить подлинную природу своей власти. С политической точки зрения он никогда не правил в одиночку, будучи постоянно окружённым сложной бюрократической системой, состоящей из многоуровневой иерархии чиновников, храмовых администраций и дворцового аппарата¹⁴. Однако никто из них не был воплощением Хора на земле.

На этом месте мне очень хотелось бы предостеречь читателя от уклонения в ложную эзотику и сказочность. А также отметить, что сложная терминология перестаёт казаться таковой, если последовательно проникать в суть вещей. Хор на земле и Дом Ка Птаха связаны теснейшим образом.

Каждый из нас может вспомнить бога Хора, изображения которого, являющие человека с головой сокола, были одними из самых старых и самых популярных в древнем Египте. В низкой теологии Хора можно назвать богом неба и царской власти; первым фараоном. Однако в теологии высокой за этой иконографией скрывается божественная царственная метафизика, побеждающая анархию.

Хор мыслился как божественная модель правильного мироустройства: законный порядок, торжествующий над хаосом, а потому фараон, восседающий на своём престоле, есть буквально земная инкарнация Хора, удерживающая космос, неотделимый от всей Кемет.

По этой причине история древнего царского Египта уже много веков разделяется на многочисленные династии. Переход священной власти от одного фараона к другому происходил не столько по факту кровного родства, сколько благодаря сложной мистерии коронации, в результате которой человек становился Хором. Нередко на престол восходили люди, не имевшие никакого отношения к «голубой крови», и становились, тем не менее, законными царями, основателями собственной династии.

¹³ Дом Ка Птаха (егип. Ху Ка Птах) — (греческое восприятие) Aigyptos — латинское Aegyptus — «Египет».

¹⁴ В Египте существовали и визири, фактически занимавшие пост премьер-министра, и номахи, управляющие областями (номами), и жречество, обладавшее колоссальной властью, и военная элита.

Завершение одного династического периода и переход к другому отнюдь не всегда означали внутреннюю смуту и утрату государственности. Таковые мыслились сугубо политически. Сколько бы кланов ни враждовало между собой — все они были заинтересованы в скорейшем воцарении Хора. Это был в прямом смысле слова вопрос выживания. Выживания метафизического.

Люди спасались в своём царе!

Одним из важнейших символов Египта (который, кстати, практически всегда наблюдается у Хора) считалась двойная корона царя-владыки двух земель. Она состояла из белого головного убора, символизирующего Верхний Египет, обрамлённого красной короной, олицетворяющей Нижний Египет.

В мировоззрении древних голова являлась сакральным средоточием личности, через которое обнаруживали себя разум, достоинство и связь человека с космическим порядком. Венчая голову фараона, *Пиент* образовывал единую метафизическую вселенную, которую удерживал божественный разум Хора. И это не просто символизм. Государство и космос подчинялись одному и тому же порядку¹⁵. Царь поддерживал существование мира.

¹⁵ См. в Уилсон Дж. Культура Древнего Египта / пер. с англ. — М.: Наука, 1981. — С. 89—91.

Барельеф с изображением бога Хора
Храмовая стена эпохи Нового царства

Реализация власти Хора в царстве двух земель для египетского сознания оказывается не просто политической пропагандой с элементами религиозности, а представляет собой объективную реальность ввиду священности самой этой земли.

Мы уже неоднократно останавливались на этом принципиально важном тезисе, разбирая термины «Кемет» и «Та-уи», однако в своей речи Сети I ещё больше расширил для нас горизонт познаваемого, назвав Египет Домом Ка Птаха.

Для того чтобы пояснить всю сложность данной категории, мне хотелось бы сказать несколько предварительных слов о концепции *Ka*. На данном этапе подробно говорить об этой фундаментальной составляющей религиозной антропологии кажется преждевременным. В противном случае это приведёт к путанице, и мы утратим нить единого стройного повествования.

Скажем только, что «Ка» многие поверхностно и легкомысленно отождествляют с душой, однако это далеко не так. В сущности, речь идёт о некоей жизненной энергии и экзистенциальной силе, делающей существо живым.

Уверенно можно говорить о наличии Ка у людей, царя и даже богов. В определённом контексте этот перечень можно расширить до некоторых животных (в основном священных) и даже до сакральных объектов. В любом случае, для нашего разговора это не имеет особой важности, поскольку Птах, безусловно, Ка обладал.

Мы уже говорили, что ещё до объединения двух земель город Мемфис считался центральным местом культа бога Птаха. Ранние представления о божественном мире отводили ему роль покровителя ремёсел, но когда после объединения Верхнего и Нижнего Египта Мемфис оказался фактически центром царской государственности, мемфисское богословие значительно расширило его роль. Это вполне понятно. Ремесло есть то, чем человек зарабатывает себе на хлеб, фактически поддерживая своё существование. Именно этот аспект и стал основополагающим в более поздних вариациях культа Птаха.

Таким образом, термин «Дом Ка Птаха» означает не примитивное «домик для души бога», но священное место присутствия божества и, если угодно, место поддержания его сакральной силы. Уместно вспомнить здесь один из основных тезисов египтологии: люди не разделяли физику и метафизику. По точному замечанию чешского египтолога Ярослава Чёрного, священное всегда присутствовало в повседневной реальности египтянина¹⁶.

Для Сети его страна — это не область административного владения, а святая земля, неотделимая от неба. Абсолютная власть царя заключалась не только в тех аспектах, в которых современный человек понимает монархию, но прежде всего в постоянном ограждении Дома Ка Птаха от *Дешрét*.

Этим словом Сети описал бы ту самую пустыню, лежащую по обе стороны от дельты Нила. Дешрет для него — это реалья хаоса, распада и разрушения; это не столько географическая, сколько космологическая область. Полагаю, читатель уже понял, что именно в таких категориях мыслили люди древнего Египта.

Однако важно понимать: для фараона Дешрет не является «земным проявлением ада». Такая концепция была бы сильно пропитана европейским оккультизмом. Сети — не враг Дешрет. Он не считает пустыню абсолютным злом. Без неё этот мир тоже невозможен, как и без Кемет. Пустыня необходима миру так же, как необходим Нил. Опасность крылась не в существовании Дешрет, а в нарушении границы между двумя началами. Священная цель фараона-Хора заключается именно в предотвращении проникновения Дешрет внутрь Кемет. По

¹⁶ Подробнее см. в Cerny J. *Ancient Egyptian Religion*. — London: Hutchinson's University Library, 1952. — P. 27—31.

этой причине видимое на земле воспринималось сугубо сакрально, если не сказать сакраментально, а ежегодный разлив Нила приковывал к себе внимание всех, от крестьян до жрецов.

Проникновение засухи в плодородную землю воспринималось отнюдь не как результат климатических и гидрологических процессов, но как разрушение порядка, повреждение космоса и кризис всей цивилизации. Интересно отметить, что около 2200 г. до н. э. Египет столкнулся с серией экстремально низких разливов реки, что совпало с распадом централизованной власти¹⁷.

Священные мистерии, связанные с разливом Нила, являлись одними из ключевых в корпусе всех сакральных церемоний в жизни фараона и в значительной степени были связаны со своеобразным «обновлением божественной легитимности» царя. Ритуалы обновления царской власти показывали не только народу, но всему генезису — фараон есть «гарант» плодородия и правильного течения как Нила, так и бытия.

А гарант может быть только один. Это Пэр-Ао, Великий Дом, Хор, управляющий порядком на земле.

¹⁷ Подробнее см. в Butzer K. W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt*. — Chicago: University of Chicago Press, 1976. — P. 46—48.

Изображение Сети I, участвующего в ритуале плодородия
Копия барельефа храма в Карнаке

Глава 4 Божественная гармония

Продолжая погружаться вместе с фараоном Сети в загадочные тайны его мира, мы вновь и вновь обращаемся к его сложной титулатуре. Нельзя не заметить, что царь многократно упоминает о себе как о *Менмаатра; Хоре, воссиявшем в Маат; утверждающем Маат в Кемет*.

Наш следующий вопрос к царю мы могли бы сформулировать так: «В твоих титулах мы слышим слово „Маат“. Из наших книг и учебников мы знаем, что это имя богини правды. Почему она важна?».

Без ложного преувеличения можно утверждать, что, едва услышав это, Сети посмотрел бы на нас с тревожным непониманием. Для его сознания человек, задающий такие вопросы, подобен даже не ребенку, но кому-то принципиально оторванному от реальности. Всё дело в том, что Маат — это не богиня в том смысле, в каком древние греки понимали Фемиду. Маат есть фундаментальная константа бытия. Простительно будет сказать и громче: Маат — это всё.

Действительно, египетская иконография изображает Маат в виде женщины, чьи волосы украшает перо. Однако читатель, вероятно, уже стал понимать, что египетское осознание божественной реальности было гораздо глубже топорного восприятия в духе: «Это такой-то бог. Он отвечает вот за это». Женщина с пером в данном ключе — это не героиня мифа или сказки, а персонификация принципа правильного устройства реальности.

Здесь я хотел бы обратить внимание на то, что теперь более-менее становится понятным. Читающий эту книгу уже проникает в Маат. Данной константе нельзя отвести место в одной из глав среди прочих составляющих египетского мировоззрения. Строго говоря, Маат и константой-то называть не вполне корректно. Равно как некорректно будет давать ей какое-то одно жёсткое определение.

Перед нами священный божественный закон, порядок, истина, мера, равновесие между миром небесным и человеческим, между царём и народом, между землёй, Нилом, храмами и загробным состоянием.

Рассказывая о Маат, Сети, который уже успел познакомиться с нами, пытается оградить наше современное мышление от соблазна упростить вселенский принцип до известной нам категории морали. Фараон уверяет, что его народ знает о необходимости «быть хорошими людьми», однако не упрощает данную идею, превращая её в своеобразный кодекс добродетели.

Праведная жизнь также является частью космического порядка, ведь солгать — значит нарушить меру; украсть — значит изменить порядок жизни другого, что неминуемо повлияет на загробную участь; не исполнить культ и не принести жертву богам — значит навлечь засуху, а это уже прямое вхождение Дешрет в священный Кемет, и экзистенциальные последствия этого могут быть ужасными. Перед нами не разные регистры. Всё это — сакральный узел единой Маат.

Она не существует отдельно или «где-то там», но должна постоянно поддерживаться, будучи невероятно сложной, тонкой и хрупкой. Именно отсюда проистекает главная метафизическая роль фараона, выраженная в его титулах. Он не просто правитель, призванный к справедливости. Он — Хор, воссиявший в Маат — божественный «гарант» космологического порядка, сияющий в вечном законе истины.

Имена царей древнего Египта, которыми оперируют учёные, отделяя эпохи и указывая на конкретные хронологические аспекты истории, на самом деле не были так популярны среди самих египтян. Гораздо большее значение имело тронное имя фараона, которое он получал при коронации. На вопрос: «Как твоё имя?» Сети в первую очередь назвался бы именно тронным наречением — Менмаатра.

Для египтянина это не просто красивое имя. Это политико-космическая декларация. Многие фараоны Египта брали себе имена, в той или иной мере указывающие на верховенство божественного порядка, который отныне они были призваны утверждать.

Аменхотеп III именовал себя «Небмаатра» (Господствующий Порядок Ра); сын и преемник нашего главного героя, один из самых могущественных и влиятельных фараонов Египта Рамзес II назвался «Усермаатра» (Могущественный Порядок Ра); имя же фараона Сети I можно перевести как «Утверждён Порядок Ра».

Заметим, что все имена также содержат в себе и имя одного из главнейших божеств Египта — солнечного Ра, что только усиливает значение вселенского порядка, единого для мира и космоса. Фараон не избирает себе имя ради красивой поэзии, но заявляет, что через него проявляется правильность мира: царство двух земель находится в равновесии, хаос не проникает внутрь Кемет, даже солнечный порядок удерживается благодаря царю. Я бы позволил себе сказать даже больше: через царя Маат становится видимой.

Кто ещё из живущих способен гарантировать такое? Визирь? Военачальник? Будь они хоть трижды образованными и опытными в своих делах, никто из них не имеет власти Хора — сакральной силы утверждать космический порядок Великого Солнца, изливающийся в каждый уголок святой земли и проникающий даже глубже: в людей, в живые существа, в растения, в воздух.

Теперь те замысловатые конструкции, которые произнёс нам Сети, уже не кажутся избыточным пафосом. Погрузившись немного в мышление египтян, мы можем интерпретировать презентационную речь нашего фараона. Он словно сказал: «Царь? Цари правят хеттами и касситами. Я тот, кто управляет вселенским порядком Великого Солнца, божественного неба и святой земли. Я тот, кто спасает вас от хаоса». И это отнюдь не было похвальбой.

Многие дошедшие до нас фрески и барельефы изображают фараонов, исполняющих различные ритуалы и держащих в руках маленькую фигурку сидящей женщины, укутанной в пелены. Это Маат. Иконография как бы доносила до зрителя одну из главных идей египетской космологии: царь приносит Маат богу. Это не было красивой аллегорией. Это квинтэссенция царской функции: фараон возвращает богам сам принцип правильного мира.

Мне очень бы хотелось здесь донести до читателя идею, являющуюся на данном этапе ключевой. К сожалению, многие авторы книг и учебников по истории и религии Египта описывают ложный принцип, называя Маат богиней правды. Однако фараон не верил в Маат как в некое «частное лицо», царь был её институциональным носителем. Пекарь мог жить по Маат: честно мерить зерно, не воровать, не обижать слабого, исполнять семейные и общинные обязанности. Но фараон должен был не просто жить по Маат, а обеспечивать её как космическо-государственный режим. Поэтому вера пекаря и вера Сети — не «две разные религии», но два разных уровня участия в одной религиозной реальности. И, услышав это утверждение, наш царь несомненно одобряюще бы кивнул.

Даже если следовать низкой теологии и представить, что рядовой египтянин считал Маат богиней правды, то в любом случае слово это кажется совершенно неподходящим. Гораздо лучше в такую концепцию вписывается термин «истина», поскольку речь идёт не о простом моральном соответствии слов и дел. Для египтян истина — это в первую очередь не то, что вписывается в общепринятые представления, но то, что находится на положенном месте в сложной иерархии Вселенной. Как отмечает немецкий египтолог Ян Ассман: «*Маат — это связанность мира*»¹⁸.

¹⁸ См. в Ассман Я. Маат: справедливость и бессмертие в Древнем Египте. — М., 1999. — С. 18.

Подобная концепция принципиально влияла даже на древнеегипетское судопроизводство. Право этих людей нельзя было сравнивать с обычным светским законом. Скорее, оно больше напоминало современный мусульманский шариат, однако многократно превосходило его по метафизической глубине.

Египетский судья — это не тот человек, который должен применять установленную законом норму к конкретному лицу, а тот, кто обязан восстановить правильность. Визирь, чиновник, писец — все они должны были быть проводниками Маат. Поэтому несправедный суд для египетского сознания есть не просто административная ошибка, а повреждение самого основания мира, имеющее последствия в мире загробном.

Мы ещё скажем подробно об этой сложнейшей составляющей древнеегипетской религии несколько позже. Сейчас же отметим, что в загробной сфере Маат получает знаменитое выражение в сцене взвешивания сердца на весах суда. В данном случае мы снова сталкиваемся с многоуровневой египетской иконографией, указывающей на то, что умерший человек должен стать *Ма́а-херу́*, то есть быть не просто оправданным в юридическом смысле и даже не помилованным в смысле религиозном. Но его слово, сердце и жизнь должны оказаться совместимыми с Маат.

Поэтому повторим здесь то, что уже сказали в начале нашего разговора о божественном порядке: Маат — это вообще всё. И это всё совсем не обязано существовать стабильно.

Изображение Маат
Копия фрески из царской гробницы

Глава 5 То, чего боится даже свет

В ранние годы, когда я с увлечением читал красочные детские книги, рассказывающие о древнем Египте, мне было невдомёк, что все они написаны в стилистике сказок о богах, составленных на основе сомнительных мифов. Не понимал я и то, что им фактически вторят многие школьные учебники.

Вряд ли ученику пятого класса нужна серьёзная египтология, но уровень расхождения я понял только тогда, когда начал изучать серьёзные зарубежные монографии во время учёбы в университете.

Одной из причин создания данной книги стало моё острое желание написать то, что мне самому очень бы хотелось прочитать. Конечно, прочесть свой собственный труд я не в силах, зато могу предложить его всем интересующимся. Предложить и быть уверенным, что человек возьмёт в руки не «легенды о богах и богинях», не эзотерическую публицистику, которой, увы, становится всё больше, и даже не сухой академический каталог, пусть и правдивый.

Мне очень хотелось показать читателю не исследование, а сам Египет внутри египетского разума. Теперь же мы наконец подошли к тому, ради чего я и выбрал подобный курс. После рассказов нашего фараона о Маат, кажется, сам собой напрашивается закономерный вопрос: «Если существует вселенский порядок, то, выходит, должна существовать и противоположность. Может ли быть беспорядок?».

Убеждён, что от подобного вопроса Сети немедленно изменился бы в лице. Закрыв глаза и глубоко вздохнув, фараон тихо произнёс бы лишь одно слово: «Исфет».

Египетское сознание моментально уловило то, что остаётся практически недоступным современному пониманию. Мы привыкли жить в мире, в котором космос в максимальном смысле этого слова считается стабильным по умолчанию. Но фараон более всех остальных знал другое: Маат существует до той поры, пока она непрерывно поддерживается. Я бы даже сказал: удерживается. Если таковое удержание прекратится, мир начнёт распадаться. Его постигнет *Исфёт*.

Сети встревожился не просто так. В отличие от пустыни, которая ассоциировалась с хаосом, но была необходима мирозданию, распад всего бытия вызывал неподдельный страх.

Как мы уже говорили, фараон не считал себя врагом Дешрет. В пустынных песках для египтян виделось не «царство зла», а внешняя пограничная зона, в которой терялась оформленность мира. Более того, в некоторых аспектах пустыня была даже священной. Там находятся некрополи — области соприкосновения с божественным и загробным. Многие важнейшие погребальные мотивы вообще невозможны без Дешрет. Главное — это мера. Поговорку «всеми своё время и место» Сети понял лучше каждого из нас. Ведь для царя это не просто слова, а само устройство мира.

Именно поэтому настоящий ужас у него вызывал не сам хаос, а его проникновение туда, где его не должно существовать. Веками Кемет и Дешрет живут в единой космологической связке, но если Нил пересыхает, если чужеземцы захватывают земли и разрушают храмы, если священные мумии царей оскверняются, если начинается голод или эпидемия — то это уже проникновение Исфет в божественный порядок Маат.

Я хотел бы здесь предложить простую, но запоминающуюся формулу: Кемет — оформленный космос. Дешрет — внешняя неоформленность. Исфет — распад формы как таковой.

Маат господствует тогда, когда воды Нила разливаются вовремя, когда восходит солнце, когда фараон царствует на престоле, когда люди в достатке едят хлеб. Даже когда дети хоронят родителей, а не наоборот — всё это Маат. И именно поэтому египетская мысль так страшится Исфет. Ведь это не зло в «голливудском» смысле. Не армия демонов и не аналог сатаны. Отсутствие Маат, соединяющей мир земной и небесный, — это уже не просто тяжёлые вре-

мена. Это ощущение, что Кемет начинает превращаться в Дешрет. А это для египтянина почти метафизическая катастрофа.

В наши дни, когда религия превратилась в «дополнительную опцию», избираемую или отвергаемую по желанию, людям может показаться, что господство храмов в Египте — это древний рудимент.

Отмечу: я умышленно говорю господство, а не обилие. Важные города и даже области древнего Египта непременно характеризовались влиянием крупных храмовых комплексов, а одним из священных титулов фараона был *Воздвигающий храмы*.

Храм в Египте — не место религиозных собраний и не «церковь» в привычном европейскому человеку смысле. Это узел поддержания мира. Жертвоприношение нужно не потому, что боги «любят подарки», а потому что обмен между божественным и человеческим уровнями должен непрерывно сохраняться.

Египетская цивилизация была настолько одержима сохранением порядка, потому что знала: порядок не гарантирован, а мир должен поддерживаться. Сохранить форму — значит удержать бытие. Утратить её — приблизить Исфет. Именно здесь египетская цивилизация становится особенно глубокой философски. Сети эмоционально пытается объяснить, что утрата храма и совершаемого культа не есть «факт в самом себе», но имеет колоссальные последствия для мира небесного. Речь не о том, что боги будут недовольны и разгневаются. Всё гораздо сложнее. Они и сами подчинены великому порядку Маат. Если его нет на земле, его нет и на небесах.

Египтяне никогда не считали, что хаос побеждён окончательно. Для них мир не был построен «раз и навсегда». Космос — это не крепость. Это скорее остров. Остров среди бездны.

Фараон совершает подношение богу Ра
Копия фрески из храма в Луксоре

Глава 6 Ночь Ра

Однажды мне случилось глубоко и серьёзно задуматься о масштабах известной современному человеку наблюдаемой Вселенной. Это не было для меня открытием. Разумеется, я понимал чудовищный объём космоса, просто на самом деле никогда по этому поводу особо не рефлексировал. И вот, почему-то, это произошло.

Я стоял у окна и смотрел в чёрное небо, представляя себе его бескрайнюю глубину. Даже свету, самому быстрому во всей Вселенной, требуются миллионы и даже миллиарды лет, чтобы добраться от одной галактики до другой. А таковых в космосе — бессчётное количество.

В один миг я даже как будто физически ощутил на себе ту мысль, которая закралась в голову. Мне подумалось, что голубое небо — это своеобразная «завеса», которая как бы оберегает наш мир. Когда солнце заходит, медленно и масштабно выходит он — бескрайний, холодный и чёрный космос. Этот гигант не атакует, не поглощает и даже никак не проявляет себя. Он просто довлеет над тобой, и от этого становится немного не по себе.

«Драматургия!» — скажете вы. И, полагаю, будете правы. Наверное, каждый посчитал бы меня чувственным максималистом. Любой из вас, но только не Сети.

Услышав мои рассуждения, фараон узнал бы в этих словах не лирику эмоций, но реальную, ни с чем не сравнимую драматургию бытия. И в этом кроется один из главных ключей к пониманию египетской религии.

В этом месте царь обязательно изложил бы космологическую идею о ночном путешествии *Ра* на священной ладье. Надо сказать, этот сюжет весьма известен в «популярной египтологии» и знаком многим, будучи сильно раскручен фантастами. Кто из нас не слышал миф о том, как бог *Ра* днём плыл по небосводу на своём корабле, а ночью сражался с гигантским змеем?

Тем не менее нельзя относиться к этой истории поверхностно. Я хотел бы отметить здесь два принципиально важных фактора формирования этой концепции. Во-первых, и это крайне важно, египтяне не были наивными простачками, которые поклонялись «яркому шарикю на небе». Во-вторых, эти люди не рассказывали сказку о том, как «солнышко плавает на лодочке». Они описывали предельную религиозную реальность! Каждую ночь космос снова рискует не состояться.

Свои мысли о Вселенной я поведал лишь в качестве небольшой затравки. Они действительно наивны по сравнению с тем, что испытывали египтяне, взирая на ночное небо. Современные люди обладают роскошью гулять под луной и любоваться прекрасным закатом где-нибудь в живописном месте. Да и сами древние тоже умели вести ночную жизнь. Они изучали звезды, устраивали ночные празднества и тоже, думаю, гуляли под луной. Но нельзя забывать о главном. Взирая на заходящее солнце, они не «проводжали закат».

Они наблюдали вхождение солнца в смерть!

Ра, будучи одним из главнейших представителей египетского пантеона, представлял собой божественную силу солнечного бытия, подающего тепло, свет и жизнь. Египтяне изображали *Ра* в виде сокола или наделяли его антропоморфной формой, сохраняя при этом соколиную голову, увенчанную огненным диском.

Признаюсь, когда я слышу, как египтян называют солнцепоклонниками, мне становится грустно от того, что утверждающие подобное так и не смогли понять главного. Солнечный диск (егип. *Атón*) был для египтян телесным проявлением присутствия *Ра* в мире.

Сети непременно объяснил бы, что сам *Ра* многократно превосходит небесное светило. Иначе бы его просто не обожествили. Повторю: египтяне не были примитивными. *Ра*, если

угодно, есть космический принцип солнечности. Для нашего фараона Ра был не просто царём богов, но источником света, абсолютным гарантом Маат, движущей силой мироздания, победителем тьмы, но, главное, ежедневным обновителем космоса.

В истории с путешествием Ра важно понимать фундаментальную деталь: день не сменяется ночью по безличному физическому закону в известном нам смысле. За видимым движением солнца стоит космический процесс поддержания Маат.

Когда Ра уходит за западный горизонт, происходит необходимая, но жуткая мистерия: он вступает в ночную «изнанку» мира, область сокрытого и мёртвого. На самом деле эта концепция не так уж и далека от современного научного представления о бескрайнем и безжизненном пространстве.

Священная ладья Ра в данном случае тоже не имеет ничего общего с фольклорной лодкой. И вместе с тем, подобного образа просто не могло не быть. Египет живёт Нилом.

Для людей того времени плавание по реке, подающей жизнь, было сильнейшим образом организованного движения через пространство. Более того. Немного забегаю вперёд, отмечу, что для Египта вода воспринимается как древнейшая стихия, бездна до творения. Подобным взглядом отличались не только египтяне. Мощный религиозный образ проникал в сознание многих людей. Нечто похожее встречается даже в первой главе библейской книги Бытия. Проще говоря, Ра движется не «вообще», а по космическому водному пути.

Концепция ясна. Сети говорит, что свет должен пройти через тьму, смерть, скрытые области — и не распасться. И в этом заключается едва ли не вся египетская правда: свет не отменяет тьму раз и навсегда. Он каждую ночь должен её преодолеть.

На этом месте необходимо сделать остановку и аккуратно развести грани, чтобы глубже погрузиться в идею ночного путешествия, но при этом не скомкать стройное полотно поэтапного повествования.

Путь Ра представляет собой отнюдь не одинокое мирное шествие. Его движение исполнено множественных метафизических событий. Данная динамика является отражением представлений египтян о потустороннем. Наш фараон в своём рассказе использует незнакомое нам слово *Дуат*.

Подробнее о нём мы будем говорить позднее. Полноценное раскрытие данной концепции сейчас приведёт к путанице. Однако не упомянуть её невозможно. Скажем только, что Дуат очень часто воспринимается как египетский аналог ада или царства мёртвых. Подобные утверждения звучат повсеместно. Но это ошибка.

Мы уже говорили о том, что в космогонии Египта нет ничего принципиально лишнего или абсолютно враждебного. Под Дуатом понимается сложная конструкция внутреннего механизма мира, сокрытого от живых. Каждую ночь солнце умирает в буквальном смысле этого слова. Никакой аллегории тут нет.

Ра на своей ладье минует двенадцать врат Дуата, насчитываемых по количеству часов ночи. Стоит отметить, что египтяне прекрасно знали о том, что и для нас является вещами рутинными, и не обожествляли лишнего, однако ритуально-космический процесс ночи — налицо.

Бог-Солнце проходит врата, встречает силы Дуата, оживляет мёртвых своим светом, получает помощь богов, уничтожает врагов, но самое главное: соединяется с *Оси́рисом*. Фараон настаивает на предельной важности этого момента. Ра — солнечный бог; бог движения, света, царственности, небесного порядка. Оси́рис в египетском представлении — это бог мёртвых, пребывания, глубины, подземной плодородной неподвижности. В ночном пути Ра не просто «проезжает мимо» Оси́риса. Он соединяется с ним. Задумаемся. Смысл здесь открывается чрезвычайно мощный! Для того, чтобы свет родился вновь, он должен войти в область смерти и встретиться с её владыкой. Кто после этого назовёт религию Египта примитивным язычеством? Эти люди понимали метафизику мира и описывали её в тончайших категориях.

Ночная смерть солнца и его утреннее возрождение — не аллегория в слабом смысле, а основная модель египетского космоса: жизнь держится на ритме гибели и восстановления. При этом гибель никогда не одолевает свет. Но именно факт борьбы открывает ту самую болезненную драматургию египетского мышления. «Никогда» не означает, что так будет всегда. Как справедливо заметил египтолог Эрик Хорнунг: «*Силы хаоса никогда не уничтожаются окончательно*»¹⁹.

В ходе своего ночного путешествия по потустороннему Ра встретится со многими, однако реальную опасность для египетского мышления представлял гигантский, превосходящий всякую меру змей *Апоп*.

Если сказать только так, да ещё и добавить, что змей хочет «проглотить солнце», то получится наивная детская сказка. Образ египетской мысли гораздо сильнее этого. Змей во многих религиях представляет собой древний и практически идеальный образ хаоса. Он не имеет ног, движется текуче, возникает из скрытого, может обвивать, душить, парализовать.

Для Сети Апоп — это идеальная персонифицированная Исфет. Его цель не — уничтожить Ра. Он хочет окончания движения божественного порядка Маат. Его цель — остановить ладью. Апоп не «демон зла» в моралистическом смысле. Он — угроза прекращения космического движения. Если угодно, то змей есть анти-структура, противящаяся бытию.

Когда я смотрю на ночное небо, я вижу порой довлеющий надо мной масштаб. Сети не увидит того же, что и я. Фараон смотрит через небесное пространство прямо в Дуат, где в этот самый момент разгорается метафизическая битва хаоса и порядка с непредсказуемым результатом. Верит ли он в реальную ладью, на которой плывёт человек с головой сокола? И да, и нет. Точнее мы уже не узнаем...

Одно известно наверняка: Ра для него представляет объективную реальность, как представляет её и всё остальное. И каждый восход солнца для фараона, как и для всего его народа, живущего на святой земле, это маленькое творение мира заново.

Утро — это победа бытия.

¹⁹ См. в Hornung E. *Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many*. — Ithaca: Cornell University Press, 1982. — P. 172.

Современный рисунок бога Ра
Копия египетской иконографии

Живой космос Египта

Глава 7 Когда боги жили на земле

Для современного человека почти вся картина истории построена на идее совершенствования. Люди автоматически воспринимают прошлое как менее развитое, менее технологичное, менее рациональное.

Конечно, нередко встречаются люди, заявляющие, что «раньше» было лучше, однако на самом деле мало кто из них действительно хотел бы жить не в своём историческом периоде, поскольку руководствуется принципом прогресса. Даже те, кто уважает и любит историю, обычно смотрят на неё сверху вниз — либо как на менее развитую стадию человечества, либо как на период ошибок, которые удалось осмыслить. Сознание неизменно воспринимает историю как движение. Даже само слово «древний» понимается как нечто устарелое.

У египтян логика оказывалась прямо противоположной. Более раннее время по определению было совершеннее позднего, поскольку существовало ближе к установлению божественного порядка Маат. В этом смысле Сети действительно согласился бы с тем, что раньше было лучше. Точнее говоря, наш фараон не совсем понял бы оценочный контекст «лучше-хуже». Для него уместнее было бы утверждать, что раньше было полнее.

Разумеется, древние египтяне понимали значение прогресса и, подобно любой цивилизации, стремились к развитию, вкладывая в него колоссальные усилия. Однако само сознание этих людей имело принципиально иной вектор.

Сети объясняет, что совершенство для его народа он, несомненно, считал одним из приоритетов своего правления, но само течение времени представляет собой не перспективу развития, а постепенное истощение первичной полноты. Бытие существует «в кредит», и мир держится лишь до тех пор, пока поддерживается Маат.

На вопрос: «Что ты имеешь в виду?», фараон упомянул бы новое незнакомое нам слово — *Zen-Tenú*. Под этим термином египтяне понимали некое первое время, или изначальное состояние бытия, когда божественный порядок изливался в мир и действовал в нём в изобилии.

Мы подошли сейчас, пожалуй, к моменту наиболее полного раскрытия религиозного мировоззрения Сети, хотя слово «религия» в данном случае, как и всегда, можно использовать весьма условно.

Здесь необходимо понять принцип мышления египтян. Мы уже говорили о том, что для этих людей религия не отделяет космос от государства. Но это лишь часть общей картины. Египтяне вообще не считали, что боги «где-то существуют». Они жили в цивилизации, убеждённой, что боги когда-то правили их землёй так же реально, как позднее правил Сети и другие фараоны.

Воздев руки к небу, царь вдохновенно возглашает: «*Иту-аау-эн-сет-Хор*». Этими словами он буквально произносит: «Великие предки трона Хора», имея в виду огромный список фараонов Египта, проходящий сквозь династии и эпохи и уходящий своими корнями в далёкие времена, которые не помнит само время, но помнит Маат.

Кстати говоря, именно Сети I распорядился создать великий царский список, определив ему место в храме, построенном по личному приказу фараона в Абидосе. Для нас — это список царей. Для самого Сети — сакральная линия предков, через которых продолжается правильная царственность.

Список венчает уже известное нам имя — Менмаатра Сети — Меренптах, или «Утверждён Порядок Ра, Сети, возлюбленный Птахом». За ним длинной статной чередой следуют

царственные имена владык двух земель, утверждавших, подобно нашему фараону, порядок в Кемет и сиявших на престоле Хора божественной Маат.

Но затем стройный ряд привычного и понятного неожиданно прерывался. Другой поток имён дополнял священный список, являя одну из самых загадочных ветвей египетской царской линии. Эту группу Сети называет «*Шемсú Хор*», или «Последователи Хора». Кто они такие — вопрос действительно сложный. Царь говорит о священных предках, а на вопрос: «Чем они отличаются от предыдущих?» отвечает лишь: «*Джесёр*» (святое).

Вероятнее всего, речь идёт о мифологизированных древних правителях или о до-династических элитах, чьё правление стало ассоциироваться с хранением сакральной власти. Создавая список, Сети не пытался отыскать хронологию и историческую реальность. Для него гораздо важнее был сам факт преемственности, указывающий на божественное происхождение его власти. Именно поэтому царь не даёт никаких объяснений. Вероятно, он и сам не в силах постичь то время, когда мир ещё не являл прямого разделения на божественный и человеческий.

Третья группа великого списка уже практически полностью отличалась от перечня имён как такового. Она представляла собой «описание неопишуемого» и затрагивала то самое Зеп-Тепи — время, когда Египтом правили боги. Это воплощение эпохи самого Хора, которого простым языком можно назвать первым фараоном и источником Маат в царственности. Идея проста: Боги не вдохновляют власть. Они и есть сама власть.

Фараон среди богов
Копия фрески из царской гробницы

Мы переходим теперь к самой, пожалуй, таинственной части нашего разговора. Для того чтобы лучше ощутить всю мистику пути эпох, следует вспомнить, что для каждого из нас

время не просто неумолимо движется вперёд, оно ещё и однородно, что создаёт совсем пессимистичную картину.

Современный человек если и рассуждает о «времени до начала времён», то мыслит его в былинных категориях «давным-давно», что к тому же ещё и омрачено полным отсутствием благ современной цивилизации. Дескать, жили так же, только менее комфортно.

Сети категорически не согласен с подобной постановкой проблемы. Комфорт для египтянина в первую очередь измеряется в Маат.

Мы уже сказали о том, что Зеп-Тепи понимается как время особого изобилия божественного порядка. Это неудивительно, ведь боги обитали на земле. Сама ткань реальности была другой.

Не было в те далёкие дни окончательного разделения на богов и людей, на видимое и невидимое, на земное и небесное. Река Нил была не «символом» бога. Солнце не «олицетворяло» Ра, но он сам действительно являл себя через великое Солнце.

Мне очень хотелось бы как можно яснее обозначить эту метафизическую максиму религиозного египетского сознания. Современное противопоставление «буквально или символически» для египтянина почти бессмысленно. Потому что образ был формой присутствия.

Этот абсолютный предел существования одновременно служит и источником прекрасного, и источником трагического. Прогресс важен для египетской цивилизации как катализатор развития. Но само оно не обязательно является неоспоримым благом. Зеп-Тепи — это эпоха максимальной близости бытия к своему источнику. Мир ещё молод. Граница между божественным и материальным проницаема. Порядок установлен непосредственно. Но даже такая форма бытия не длится вечно.

На вопрос: «Что случилось с миром?» Сети печально говорит, что «боги ушли». Эта тончайшая нить богооставленности, связывающая подавляющее большинство религий мира, прошла и через Египет. Каждый народ по-своему осмыслит это в своих священных текстах, сделает выводы и выстроит концепцию. Грустный итог проникнет даже в Библию, став затем одной из ключевых христианских констант.

В Египте уход богов воспринимается не как результат их собственного желания. Концепт этих глубоко чувствующих струны тонкой реальности людей, наверное, ближе всего к христианскому. Боги ушли потому, что сам космос перешёл в иное состояние. Мир стал отделённым, тяжёлым, смертным.

Мы снова должны вспомнить здесь простую египетскую истину: хаос никогда не уничтожается окончательно.

Но боги не покинули мир насовсем. Иначе он просто перестал бы существовать. Драматизм мировоззрения Сети всё же не трагичен до безысходности. Солнце восходит потому, что Ра продолжает свой путь; Нил разливается потому, что космический порядок ещё действует; царская власть существует потому, что Хор ещё не оставил престол полностью.

И именно поэтому так важно поддержание порядка Маат, которым и живёт святая земля Египта, возглавляемая своим фараоном и каждый день воюющая с небытием.

Фараон Сети I перед богом Осирисом в облике самого Сети
Часть фрески времён XIX Династии

Глава 8 Мир до творения

После столь глубокого, поэтического и даже трогательного рассказа Сети о структуре бытия читатель безусловно захочет пойти и дальше. Закономерный вопрос о том, что же было до первого света, погружает нас ещё глубже в удивительное представление древних египтян об окружавшей их реальности, которую они не отделяли от метафизики.

Перед тем как ответить на наш вопрос, фараон задумчиво молчит. Начать говорить непросто, ведь нужно подобрать слова, которых фактически нет. Древние египтяне имели очень глубокие чёткие и структурированные представления о бытии, над-бытии и даже до-бытии, связывая их в единую концепцию. Как мы уже знаем, буквально всё видимое в Кемет было исполнено чем-то большим, чем оно казалось на первый взгляд. Нет никаких сомнений в том, что несоизмеримо большим было и само невидимое, ведь там нельзя обмануться внешним обликом.

Поразмыслив, Сети решается говорить о «мире до мира» путём отрицания. Апофатическое богословие²⁰ известно не только христианству, но являлось распространённым языком для многих развитых религий.

Действительно, о том, что нельзя познать опытно, следует говорить, только отмечая обыденное. Ведь египтянин знал: не было неба, не было земли, отсутствовало время и не существовало смерти, потому что ещё не оформилась жизнь. Сети говорит не о том, что существовало, но о том, чего не было, доходя в своих мыслях до крайней точки.

В этом безвидном и пустом не царила даже Маат.

Однако в том, что для любого жителя царства двух земель представляет воплощение ужаса, до начала бытия не усматривали катастрофу. Да, Маат не господствовала, потому что не было мира, в котором ей быть мерой, законом, равновесием и правдой. Но вместе с тем по той же причине не царила и Исфет, поскольку хаосу было нечего поглотить.

Все эти рассуждения сподвигают современное сознание обратиться к категории небытия. Египтяне же мыслили совсем иначе. Идеи о возникновении чего-то из абсолютного ничто понятны европейской космогонии, пропитанной сотнями лет влияния христианских идей. Но древние, жившие за тысячи лет до возникновения структур античной, а затем европейской философии, говорили о появлении мира из скрытого, неоформленного, спящего бытия.

В словах Сети ясно слышится не абсолютное ничто, а всеобъемлющая беспредельная потенциальность. В этом начале всего существовал лишь *Нун*.

²⁰ Апофатика — формат богословия, в рамках которого о божественной реальности и её проявлениях в мире говорится в отрицательных терминах и выражениях.

Нун
Копия древнеегипетского изображения

Древнеегипетская иконография доносит до нас изображения Нуна подобно тому, как она наделяет антропоморфными формами практически всех богов. Это вполне понятно. Человеческое сознание не может изобразить то, чего нет, и облакает всё в привычные для себя формы. Однако считать Нуна богом было бы не вполне корректно.

Действительно, в египтологии принято говорить о нём как о сотворившем себя отце всех богов²¹. И всё же, Нун религиозным мышлением древних воспринимался в качестве персонификации первичных вод океана. Не случайно египтяне изображали его с голубой кожей, иногда даже добавляя очертания волн.

В Текстах Саркофагов, относящихся к огромному корпусу священных религиозных текстов Среднего царства, содержатся такие слова:

«Я есть Нун, Единственный и не имеющий подобного Себе»²².

В этой идее бесподобности кроется не обычное монархическое превозношение, а вполне реальное представление о буквальном отсутствии каких-либо аналогий. В Нуне нет границ, различий и какой-либо формы. Он в прямом смысле предшествует космосу, а потому Нун страшен, но не демоничен.

Мы снова подходим здесь к ключевому моменту египетской космологии: бытие никогда окончательно не отменяет хаос, а творение — это остров среди бездны.

Именно здесь кроется египетская одержимость порядком Маат, поддержание которого составляло основу жизни в Кемет. Все, от фараона до простых людей, боялись возвращения мира в состояние до творения. Война бытия и распада была центром вселенной Египта.

Важно вновь обратить внимание на один принципиальный момент: несмотря на страх перед ним, Нун не является inferнальной пагубой, и хаос не мыслится в привычном фантастическом ключе. Творению предшествует не зло, а несколько фундаментальных состояний бытия.

Лучше всего метафизические качества предмирного состояния описывает теология влиятельных храмов Гермополя. Гениальность египетской мысли прошла сквозь тысячелетия в образе *Великой Огдоады*, или Восьмерице Нуна.

Нередко приходится слышать о четырёх парах первых богов, вышедших из первозданного океана. Это упрощение. Фараон Сети медленно разворачивает перед нами структуру первичного состояния. В гермопольской космогонии Нун — это не просто один бог среди других. Это изначальная водная бездна, первоматерия, неоформленное потенциальное бытие. А Огдоада — внутренние качества этого состояния, описываемые в виде мужского и женского начал:

Нун — Нунет (сами первичные воды)

Хух — Хухет (их бесконечность)

Кук — Кукет (её тьма)

Амон — Амонет (её безвидность)

²¹ См. в John Barton, *Professor of Hebrew Bible/Old Testament Reinhard G. Kratz, Nathan Macdonald*. Die mythische Bedeutung des Meeres in Ägypten, Ugarit und Israel. — Walter de Gruyter, 1962. — P. 12.

²² См. в CT IV, 111c—112a: ink nwn pw wa nn snnw. f («Я есмь Нун, Единственный, не имеющий подобного себе») // de Buck A. The Egyptian Coffin Texts. Vol. IV. — Chicago: Oriental Institute, 1951. — P. 111.

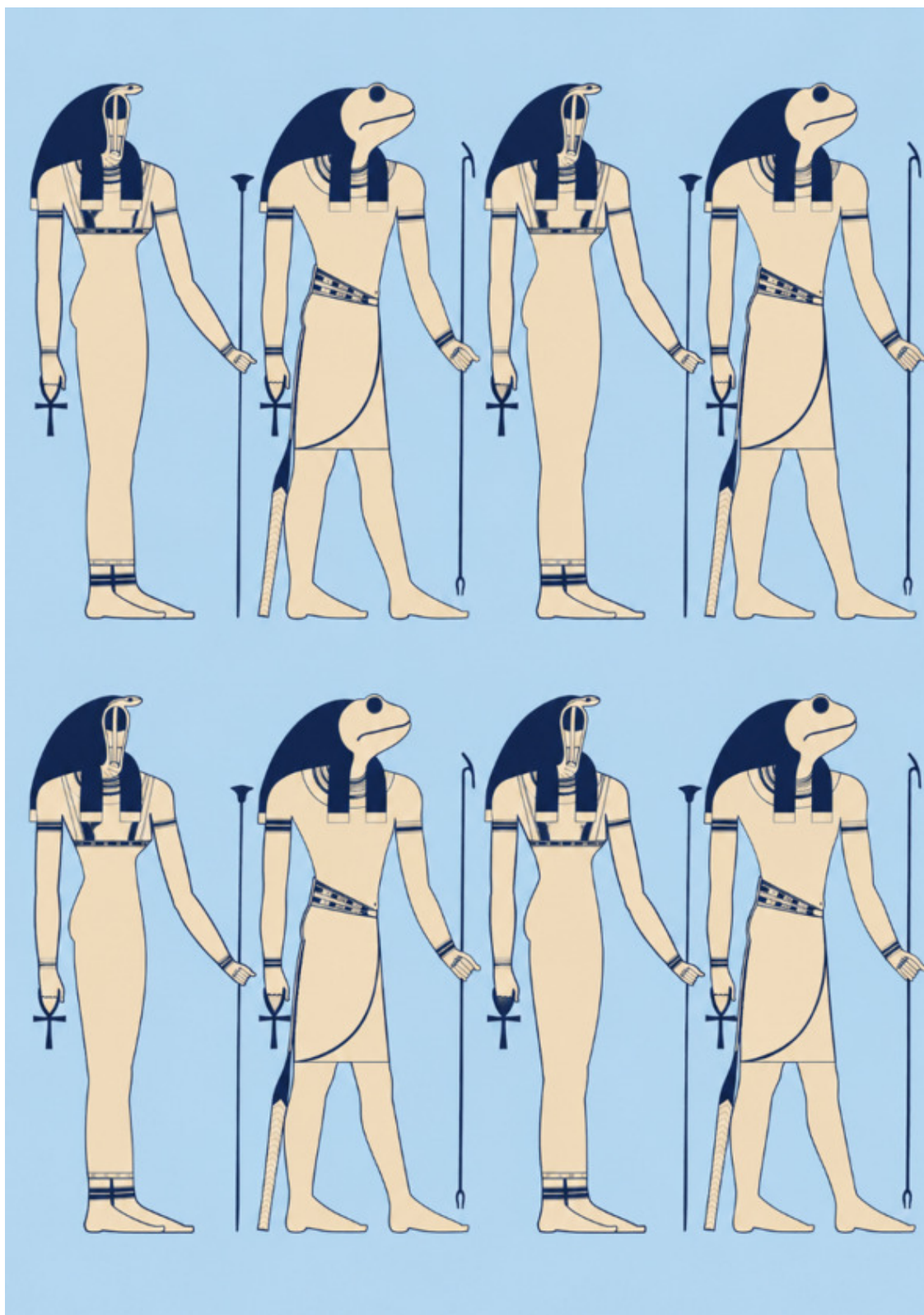
В этом и кроется та самая метафизика изначального. Гермопольская Восьмёрка — не иллюстрация к сказке «жил был бог, и он родил других богов», а описание докосмического бытия.

Множественные дошедшие до нас фрески действительно изображают Огдоаду в виде четырёх пар богов, в которых мужчины предстают с головами лягушек, а женщины показаны с головами змей. Это неслучайно. В Египте вообще нет ничего случайного, а каждый штрих — отражение сложнейшей мысли.

Гермопольская космогония выросла из наблюдения за Нилом и его поймой. Египтянин видел, как жизнь буквально рождается из влажного хаоса: тёмная вода, туман, обилие змей и лягушек, кишачих в болотистой местности. Это ещё не твёрдая земля, но жизнь уже активно существует и проявляет себя. Я бы позволил себе здесь несколько резкое, но точное выражение. Восьмерица Нуна намеренно не выглядит как привычное для греческого сознания старшее поколение богов. Огдоада — это мир сырой потенциальности.

Более того, мужское и женское начало в гермопольской теологии не иллюстрирует репродукцию в «божественной семье». Оно показывает всеобъемлющую полноту принципа. Из этого состояния начинает рождаться первый холм.

Первое устойчивое место бытия. Первая суша среди вод. Это невероятно важный образ для всей египетской религии. Потому что каждый храм потом будет воспроизводить этот первый холм творения. Космос обретает форму.

Великая Огдоада
Современная копия египетской иконографии

Если Гермополь излагает категории добытийные, то торжество космоса в совершенно иных настроениях описывает теология другого важнейшего религиозного центра Египта —

Иуну. Греки в своём языке неслучайно называли этот город Гелиополем, или Городом Солнца. Именно здесь звучит песнь первому появлению солнечности.

Гермопольскую Огдоаду дополняет и продолжает *Гелиопольская Эннеада* — форма внутреннего раскрытия Вселенной.

Из Нуна исходят девять богов. Каждый из них также имеет свою уникальную иконографию, но далеко не каждый представляется богом в том смысле, который привычен даже самим египтянам. Сети поэтапно перечисляет имена, останавливаясь на каждом и давая нам осмыслить сказанное:

Атум — великое самосознание. Самостоятельно возникшее божественное оформление космоса. Не просто бог среди других, а первая определённости внутри неопределённости.

Шу — воздух, разлившийся по бытию. Не кислород в привычном нам смысле, а жизненное дыхание, пронизывающее и питающее всё сущее.

Тэфнут — не богиня плодородия и покровительница календарных сезонов (хотя низкая теология действительно представляет её так), но одна из самых сложных для перевода египетских категорий. Обычно её упрощённо называют «влажностью», но это слишком бедно. Тэфнут — не просто вода. В паре с Шу она образует саму живую среду мира. Если Шу — дыхание, пространство и сухой светлый воздух, то Тэфнут — влажность, насыщенность жизни, животворящая сила влаги. В этом смысле она действительно плодородна. Она дала святой земле Кемет великие воды животворящего Нила.

Геб — сама земная твердь, как живая космическая реальность, изображаемая в виде мужчины, лежащего на спине. Но египетская земля — не «планета» в современном смысле. Это плодородная, живая, рождающая земля Египта.

Нут — выгибающаяся над ним женщина, облачённая в облегающее синее платье, усеянное множеством звёзд. Женский небосвод. Ведь Нут рождает солнце. После появления Шу и Тэфнут мир впервые расчлняется: Шу разделяет; Нут поднимается вверх; Геб остаётся внизу. Так рождается пространство космоса.

В египетском искусстве Геб почти всегда изображён лежащим: над ним простирается Нут; между ними стоит Шу, удерживающий небо. Это одна из важнейших сцен всей египетской религии. Она показывает сам акт поддержания мира. Если Шу исчезнет — небо снова рухнет на землю, а космос вернётся в состояние первичного хаоса.

Последние четыре имени Эннеады: *Осирис*, *Нефтида*, *Сет* и *Исида* представляют собой богов в более привычном понимании. Однако и здесь всё не так просто. Точнее, совсем не просто. Сети готов рассказывать дальше, но нужно остановиться, иначе можно перестать понимать происходящее и навсегда утратить для себя великую мысль древних, осознавших бытие так, как это не сделал никто другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.